

Научно-исследовательская статья

УДК 316.47

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.6

«ВЕЛИКАЯ ГЕРМАНИЯ», ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ СЛУЧИЛОСЬ ПОКАЯНИЯ (ЧИТАЯ РОМАН БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ЧТЕЦ»)

Сухорукова О. А.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

sukhorukovaoa@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1707-6151>

Аннотация. Статья посвящена анализу романа Б. Шлинка «Чтец». Предпосылками данного исследования стали трагические события Второй мировой войны, влияние их на судьбы военного и послевоенного поколения немцев. Неоднозначное отношение немецкого общества к нацистскому прошлому своей страны, к событиям Второй мировой войны, тем последствиям, к которым она привела, сохраняют свою актуальность в современной Германии и за ее пределами. Центральной проблемой для интерпретации военного прошлого стало соотношение понятий «коллективная вина» и «индивидуальная вина». В послевоенной Германии философами К. Ясперсом, Х. Арендт был проделан первый опыт по определению причин национальной трагедии и связанной с нею виной немецкого общества. К. Ясперс, критикуя понятие «коллективная вина», выделил четыре типа вины: криминальная, политическая, моральная и метафизическая. Первые две относятся к сфере компетенции суда и власти; две последующие — порождения совести человека и его отношения к Богу. Как показала история, деятельность обоих философов не принесла результатов, моральная и метафизическая вина не были приняты немецким обществом. Это определило цель исследования: выявить причины данной общественной реакции, рассмотреть соотношение таких понятий, как коллективная вина и вина индивидуальная, на примере главных героев романа «Чтец». На основе структурно-функционального метода в статье проанализировано историческое прошлое Германии, ее социокультурное наследие. Особое внимание уделено религиозно-политическим особенностям становления

© Сухорукова О. А., 2024

и развития немецкого государства и связанного с этим процесса по формированию ценностей национальной культуры. Это позволило проследить поведение героев романа в контексте традиционных и секулярных ценностей, обратить внимание на ключевой термин в религиозной парадигме — покаяние. Результаты исследования говорят о секулярной основе ценностей социокультурного наследия Германии. Это способствовало появлению национал-социалистической идеологии, ценности которой определили поведение героев романа как в годы войны, так и в послевоенное время.

Ключевые слова: покаяние, религиозные ценности, коллективная вина, индивидуальная вина, национал-социалистическая идеология, К. Ясперс, Х. Арндт, ценности культуры модерна, холокост, «Великая Германия»

Для цитирования: Сухорукова О. А. «Великая Германия», или Почему не случилось покаяния (читая роман Бернхарда Шлинка «Чтец») // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 1 (49). С. 74–89. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.6

Scientific research article

UDC 316.47

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.6

“GREAT GERMANY”, OR WHY REPENTANCE DID NOT HAPPEN (READING BERNHARD SCHLINK’S NOVEL “THE READER”)

Olga A. Sukhorukova

Moscow City University,

Moscow, Russia,

sukhorukovaoa@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1707-6151>

Abstract. The article is devoted to the analysis of B. Shlink’s novel “The Reader”. The prerequisites of this study were the tragic events of the Second World War, their impact on the fate of the military and post-war generation of Germans. The ambiguous attitude of German society towards the Nazi past of its country, the events of the Second World War, and the consequences to which it led, remain relevant in modern Germany and beyond. The central problem for the interpretation of the military past was the correlation of the concepts of “collective guilt” and “individual guilt”. In post-war Germany, the philosophers K. Jaspers X. Arendt made the first experience in determining the causes of a national tragedy and the guilt of German society associated with it. K. Jaspers, criticizing the concept of “collective guilt”, identified four types of guilt: criminal, political, moral and metaphysical. The first two belong to the sphere of competence of the court and the authorities; the two following are the products of a person’s conscience and his relationship to God. As history has shown, the activities of both philosophers did not bring results, moral and metaphysical guilt were not accepted by German society. This determined the purpose of the study: to identify the causes of this public reaction, to consider the relationship of concepts such as collective guilt and individual guilt on the example of the main characters of the novel “The Reader”. Based on the structural and functional method, the article

analyzes the historical past of Germany, its socio-cultural heritage. Special attention is paid to the religious and political peculiarities of the formation and development of the German state and the related process of forming the values of national culture. This made it possible to trace the behavior of the characters of the novel in the context of traditional and secular values, to pay attention to the key term in the religious paradigm “repentance”. The results of the study indicate the secular basis of the values of the socio-cultural heritage of Germany. This contributed to the emergence of the National socialist ideology, the values of which determined the behavior of the characters of the novel, both during the war and in the postwar period.

Keywords: repentance, religious values, collective guilt, individual guilt, national socialist ideology, K. Jaspers, H. Arendt, values of modern culture, Holocaust, “Great Germany”

For citation: Sukhorukova, O. A. (2024). “Great Germany”, or Why Repentance did not Happen (reading Bernhard Schlink’s novel “The Reader”). *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (49), 74–89. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.49.1.6>

Введение

Вторая мировая война, тема холокоста, память о войне и ее последствиях стали главной темой романа Бернхарда Шлинка «Чтец». Роман вышел в свет в 1995 году, был переведен на несколько языков, что свидетельствует о широкой популярности данного произведения [Нарбут, 2019, с. 278]. Произведение включили в программу учебных заведений в Германии, роман стал одним из самых известных в современной Германии. В 1999 году появился его первый перевод на русский язык. В Московском городском педагогическом университете с 2019/2020 учебного года в рамках формата Liberal Arts в состав гуманитарного блока для студентов, вне зависимости от направления подготовки, были включены дисциплины «Мышление и письмо», «Культурные коды» и «Великие книги» [Казенина, Сахарова 2019, с. 76]. В список книг, предлагаемых для обсуждения на практических занятиях курса «Великие книги», был включен роман Шлинка «Чтец».

Роман состоит из трех глав, которые соответствуют периодам жизни главного героя Михаэля Берга. Первая глава — это 1950-е годы послевоенной Германии, герою 15 лет, он знакомится с 36-летней Ханной Шмиц, между ними возникают любовные отношения, которые прерываются внезапно. Ханна исчезает, ничего не объяснив Михаэлю. Во второй главе, действие которой происходит спустя семь лет, Михаэль, будучи студентом юридического факультета, оказывается на судебном процессе, где подсудимые — женщины-надзирательницы концлагеря Аушвиц (Освенцим)¹, и одна из них — Ханна Шмиц. В этой главе Михаэль узнает о двух важных фактах из жизни Ханны:

¹ Прототипом Ханны стала Хермина Браунштайнер — надзирательница в Майданеке, член нацистской партии, судебные процессы над которой происходили начиная с 1960-х годов в США и были продолжены в ФРГ (1970–1980-е гг.). В 1981 году суд приговорил Х. Браунштайнер к пожизненному заключению.

первый — прошлое Ханны, которая, будучи надзирательницей в Аушвице, оказалась виновной в смерти большого количества женщин. Второй — Ханна не обучена грамоте и, для того чтобы скрыть свою неграмотность, она вынуждена взять всю вину на себя. Чтобы оправдаться, ей было бы достаточно сказать, что она, не умея читать, не смогла прочитать документ, соответственно, не смогла выполнить то, что там было написано. В третьей главе уже взрослый Михаэль, узнав о месте, где Ханна отбывает наказание, шлет ей аудиозаписи книг и печатные тексты, помогая ей таким образом выучиться грамоте. Роман заканчивается суицидом Ханны. Уже научившись читать, отсидев свой срок наказания, Ханна покончила жизнь самоубийством.

Почему данная книга вызвала такой интерес спустя десятилетия после окончания Второй мировой войны? Современные исследователи отмечают, что ключевым моментом рефлексии немецкого общества стала вина Германии за развязывание Второй мировой войны и преступления, совершенные в военные годы. Отношение к военному поколению последующих, начиная с молодых людей послевоенного времени, по-прежнему вызывает общественный резонанс. На примере отношений двух главных героев, Ханны и Михаэля, в романе показаны проблемы, которые по сегодняшний день сохраняют свою актуальность:

- 1) неоднозначное отношение немцев к нацистскому прошлому своей страны, к событиям Второй мировой войны, тем последствиям, к которым она привела;
- 2) сложные отношения между немцами, пережившими войну и людьми, чьи годы жизни война не затронула;
- 3) трактовка понятий «коллективная вина» и «индивидуальная вина» на уровне общественного сознания.

Методологические основания

Нам представляется важным рассмотреть эти проблемы. Понять смысл происходивших в военные годы событий можно при условии, если исследователь не будет ограничен временными рамками данного исторического периода. Используя структурно-функциональный метод, необходимо обратиться к историческому прошлому Германии, ее социокультурному наследию, уделив внимание религиозно-политическим особенностям становления и развития немецкого государства и связанного с этим процессом формирования ценностей национальной культуры.

Дискуссионные вопросы

Современная дискуссия о прошлом нацистской Германии и производном понятии этого прошлого — коллективной вине — имеет свою историю и своих предшественников, среди которых необходимо выделить Карла Ясперса —

немецкого философа (1883–1969). В 1946 году вышла его книга «Вопрос о вине», положившая начало дискуссии о проблеме вины за совершенные преступления и ответственности за них. Продолжая данную тему, в 1947 году Ясперс выступает с докладом «Наше будущее и Гете» [Рулинский, 2011, с. 162]. Анализируя прошлое Германии, философ ищет причины произошедшей трагедии. В итоге он приходит к выводу: коллективная вина — это слишком обобщенное понятие, которое не может отражать проблему ответственности немцев за содеянное. Философ считает, что необходимо использовать дифференцированный подход к понятию «вина», разделив ее на четыре типа: криминальная, политическая, моральная и метафизическая вина. Первые две относятся к сфере компетенции суда и власти; две последующие — порождения совести человека и его отношения к Богу. Соответственно, уголовная вина — в компетенции уголовного судопроизводства, которое назначает наказание за преступления; политическая — отражает ответственность граждан за свое государство. В последнем случае вовлекается международный суд, который определяет вину за совершенные государством преступления; моральная нравственная вина остается на суд своей совести; метафизическая — выражает ответственность перед Богом. Моральная и метафизическая вина являются главными; они определяют политическую и уголовную вину, так как именно восходящая к ним мера ответственности может повлиять на возрождение страны, моральное оздоровление общества. Недифференцируемая коллективная вина не может это сделать, поскольку распределение всей вины на всех не только несправедливо, но и эфемерно. Важно, чтобы было внутреннее осознание вины человеком, именно оно может изменить личность, а значит, изменить общество, не допустить тех ошибок, которые совершило немецкое общество, приняв национал-социалистическую идеологию.

Идеи К. Ясперса не только не получили поддержки в обществе, но и встретили сопротивление. Суды над нацистскими преступниками, процесс денацификации в послевоенной Германии на территории Западной Германии (зоны оккупации Германии союзниками СССР) превратились в фарс для населения, «в общественном сознании все больше утверждалась мысль, что затеянное победителями мероприятие превращается в пародию на справедливость» [Рулинский, 2011, с. 160–161]. Общественные деятели, обвиняли философа в национальном предательстве, «в университетских аудиториях, где сразу после войны стал выступать Ясперс, он подвергался обструкции студентов. Мало кому нравились идеи покаяния, смирения, ответственности за совершенное нацистами, которые он отстаивал в лекциях и в своих философских работах» [Рулинский, 2011, с. 162].

Говоря об ошибках военной и послевоенной Германии, Ясперс делает вывод: два последних типа вины — нравственная и метафизическая — были не востребованы; все внимание со стороны официальных властей было обращено на криминальную и политическую вину, что, конечно, важно, но не решает проблему ответственности немецкого общества по существу. Встретив непонимание и критику, в 1948 году философ покидает Германию.

Вторым человеком, принявшим активное участие в дискуссии о коллективной вине, оценке прошлого и его причинах, стала Ханна Арендт (1906–1975) — немецко-американский философ еврейского происхождения. В период между 1946 и 1949 годами она работает в журнале *Die Wandlung*. Среди произведений Ханны в этот период следует выделить статьи «Организованная вина» и «Об империализме». В обеих публикациях рассмотрены причины появления национал-социализма, которые, как считает Арендт, заключаются в радикальном разрыве культурной традиции, вытеснении базовых ценностей христианской культуры, культурного наследия, замещения их новыми — буржуазными. И все это происходило, несмотря на провозглашение нацистского режима о возвращении к великому прошлому Германии. Арендт считает, что под маской следования германским традициям на самом деле шел процесс разрушения традиции, что в конечном счете привело к господству национал-социалистической идеологии и приспособлению общества к ее ценностям [Жаворонков, 2018, с. 232].

Как и Ясперс, Ханна не признает понятия коллективной вины, считая эту формулировку размытой, неясной. Личная ответственность, сопряженная с совестью, — вот что должно быть в Германии, чтобы выйти из того тупика, в который ее завела политика национал-социализма. В продолжение данной темы в 1963 году выходит книга Арендт «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» [Арендт, 2008], в основе которой лежат события судебного процесса над нацистским преступником А. Эйхманом. Ханна являет собой преступника, который не был одержим идеей национал-социализма; он просто качественно и профессионально служил нацистскому государству, не задумываясь над тем, к чему приводила его деятельность. Его главная добродетель — исполнение долга, следуя новым правилам и ценностям немецкого порядка.

Таким образом, и Ясперс, и Арендт, анализируя трагический опыт Германии в период господства национал-социалистической идеологии и оценивая опыт послевоенной Германии, когда шли суды над нацистскими преступниками, сходятся во мнении: понятие «коллективная вина» неприемлемо и как юридическая, и как морально-нравственная категория. Она не способствует ни справедливости, ни правосудию, ни рождению морально-нравственного понимания и ответственности немецкого народа.

Разделив коллективную вину на четыре вида, Карл Ясперс придает морально-нравственной и метафизической вине главное значение. Ханна Арендт, соглашаясь с этим верховенством, говорит об ответственности отдельно взятого человека, который должен был сделать выбор согласно своей совести. Немцы, и в этом заключается трагедия Германии, считает Х. Арендт, этого не смогли сделать. Причиной тому стало разрушение традиционных связей и отрицание христианских ценностей, что позволило подготовить почву для формирования национал-социалистической идеологии в прошлом, а в настоящем не привело к полноценному пониманию причин произошедшей трагедии.

Неудача Ясперса и Арендт в послевоенной Германии по распространению идей морально-нравственной и метафизической (христианской — в данном

случае) ответственности за нацистское прошлое привела к тому, что тема военного прошлого не была решена так, как предлагали оба философа. Возможно, именно это стало одной из причин по актуализации и в обществе, и в литературе обсуждения понятий «коллективная вина» и «индивидуальная вина» спустя несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны. Неслучайно в романе «Чтец» эти проблемы остаются центральными, а сам роман приобрел большую популярность в конце XX века, привлекая внимание современных читателей и исследователей.

Обратимся к современным исследователям романа «Чтец». А. П. Вырупаева объясняет актуальность романа особенностями культурного наследия Германии, повлиявшими на неоднозначное отношение немцев к национал-социалистическому прошлому своей страны [Вырупаева, 2018]. Ссылаясь на историческую концепцию места памяти П. Нора, автор статьи отмечает, что прошлое Германии, связанное с формированием национального единства государства, заметно отличается от аналогичного этапа в истории Франции. Первым государственным деятелем, который объединил Германию, создав миф о великом прошлом, стал Адольф Гитлер, в итоге «период национал-социализма стал для всех немцев местом германской памяти» [Вырупаева, 2018, с. 154]. Отчасти можно согласиться с мнением автора статьи относительно трактовки исторической памяти Германии. Идеология национал-социализма содержала миф о «Великой Германии», объединяя общество придуманным «идеальным прошлым». Однако мифологический конструкт, включенный в историческое прошлое страны, возник не на пустом месте. В XIX веке в общественно-политическом дискурсе страны за несколько десятилетий до прихода Гитлера к власти появился проект «Великая Германия» [Цимбаев, 2017]. Уже в этом проекте появились мифологические черты так называемого великого прошлого Германии, поэтому национал-социалистический режим гитлеровской Германии не может быть единственным и исключительным местом памяти немецкого общества.

Следующий автор обращает внимание на проблему: с одной стороны, «право не признает понятия “коллективная вина”, но это не отменяет остро переживаемого чувства вины и чувства ответственности за тех, кто связан с тобой узами кровного родства, узами поколения, узами исторической судьбы» [Нарбут, 2019, с. 278]. Е. В. Нарбут приходит к выводу: коллективная вина — это юридический нонсенс, но в обществе по-прежнему сохраняется чувство вины у последующих поколений Германии. На наш взгляд, данное противоречие, при котором коллективная вина отрицается, а ее проявление на уровне общественного сознания послевоенного поколения присутствует, можно объяснить нерешенными вопросами морально-нравственной (личной) и метафизической вины из-за того, что не были определены причины произошедшей трагедии. Вопросы, о важности которых писали К. Ясперс и Х. Арндт, остались вне поля зрения определенной части немецкого общества.

Ситуация, при которой «коллективная вина» как юридическая дефиниция отсутствует, но при этом в обществе сохраняется чувство вины (что видно

на примере конкретных личностей), определила проблему «непреодоленного прошлого», именно ей посвящена аналитическая статья Н. И. Платицыной [Платицына, 2015]. Автор отмечает две существующие в современной Германии точки зрения на вину за военное прошлое. В одном случае о прошлом ничего не хотят говорить, стараются забыть это прошлое; во втором — делаются попытки обострить чувство вины, привлекая к общественному осуждению прошлое Германии, ее историю.

В романе «Чтец» манифестирует себя вторая точка зрения. Цитируя название эссе Шлинка «Право – вина – будущее», вышедшее задолго до романа еще в 1989 году, Платицына делает вывод: проблемы, затронутые в данном эссе, стали магистральными линиями в романе «Чтец». «Одна из них — конфликт между военным и послевоенным поколениями. Конфликт проистекает из желания осознать истоки преступлений, совершенных поколением родителей, и стремления эти преступления осудить» [Платицына, 2015, с. 31]. Автор статьи на примере Ханны и Михаэля рассматривает вопрос об индивидуальной вине за прошлое, назвав это проблемой «непреодоленного прошлого» (историю понятия «непреодоленное прошлое» см., напр., в обзоре²). В образе Ханны воплощены черты многих немецких женщин, в данной героине «отображены черты целого военного поколения» [Платицына, 2015, с. 33]. Считая судьбу женщины трагичной, Платицына пытается ее оправдать и даже приписывает ей заслуги по воздействию на личность Михаэля. Трагедия главной героини заключается в том, считает она, что Ханна лишена женского счастья; ее любовная связь с подростком — это следствие материнского инстинкта. Ханна вселяет в Михаэля уверенность, он становится свободнее, приобретает опыт в поведении с женщинами. Платицына обращает внимание на ответ отца Михаэля на вопрос сына, что делать, сообщать суду о неграмотности Ханны или нет. «Мы говорим не о благе, а о достоинстве и свободе личности», — констатирует отец Михаэля Берга [цит. по: Платицына, 2015, с. 33]. Обращая внимание на эту цитату, Платицына делает вывод о том, что Ханна не утратила достоинство собственной личности и как свободная личность она предпочла лишиться физической свободы, но не признаться в том, что она неграмотна. Второй герой романа Михаэль, оказавшись на суде, открыл для себя страшную историю военных преступлений. Он пытается найти ответ на вопрос: кто виноват? Его выбор ограничен кругом близких людей, отцом и Ханной. Делая мучительный выбор между тем, что он услышал на суде о преступлениях, и теми людьми, которые ему близки, но были в той или иной степени соучастниками этих преступлений, Михаэль не осуждает никого; более того, помогает Ханне научиться грамоте, отправляя ей магнитофонные записи с текстами книг. Завершая анализ романа, автор статьи фокусирует внимание на цитате Шлинка: «Судьба Михаэля — это судьба другого

² Соколова Е. В. «Освоение прошлого» в литературе современной Германии. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 4–7.

поколения — поколения детей войны: “Стало быть, мы должны цепенеть в стыде, сознании вины и немоте? До каких пор?” — вот ключевой вопрос, волнующий героя и вместе с тем — каждое поколение немцев» [цит. по: Платицына, 2015, с. 33]. Таким образом, автор статьи хочет сказать, что не все представители военного поколения должны нести ответственность, ибо есть обстоятельства и аргументы в защиту каждого персонажа романа. Частично согласимся с этим выводом. Обстоятельства могут влиять на поведение человека, но вопрос заключается в том, в какой степени и почему эти обстоятельства могут быть доминирующими. Всегда ли человек должен им подчиняться? Возникнет ли диссонанс между этическими представлениями отдельной личности и теми ценностями, которые существуют в обществе? Судя по поведению Ханны, ценностного диссонанса не случилось. До судебного процесса в ее жизни важнее всего был вопрос грамотности. Первый шаг на подступах к открытию своего трагического прошлого у Ханны начинается на судебном процессе. Открытие, но не понимание своего преступления.

Именно на эту деталь, на поведение Ханны обращает внимание Е. В. Соколова в своем исследовании: Ханна молчит и это молчание не молчание палача и не молчание жертвы, «ее молчание вызвано, прежде всего, недоумением. Она не понимает, как подобное могло приключиться со всем миром и с ней самой, не понимает, каким образом оказалась втянута в столь ужасные события. Она не понимает, и потому молчит, ибо попытки разобраться ни к чему не приводят. Ее одолевают вопросы, ответов на которые она не знает, и не только она...» [Соколова, 2008, с. 39]. В данном тексте прослеживается тема «банальности зла», о которой писала Х. Арендт и о которой сказано выше. Зло совершает человек, который, принимая общественную мораль, следует ей. Ханна искренне не понимает, в чем ее вина. Ничего противозаконного она не совершала, служила государству и выполняла свой долг с немецкой аккуратностью и трудолюбием. Ханна олицетворяет тип многих немецких женщин, оказавшихся в годы войны на службе у государства, поэтому для нее, как и для многих других немцев, было важно жить согласно тем ценностям, которые декларировало государство через свой идеологический дискурс. Почему вчера это было возможно и приветствовалось на всех уровнях немецкого общества, а сегодня те ценности, которые были заявлены и которые определяли жизнь обычного немца в прошлом ее страны, сегодня вдруг почему-то осуждаются. Неслучайно «вопросы, которые она решает задать вслух на суде, повергают в молчание всех, в том числе и судью», ибо общество не может ответить Ханне на вопрос: «А что вы сделали бы на моем месте?» [Соколова, 2008, с. 39]. Другими словами говоря: «Можно ли было поступить иначе, если все поступали так?»

Современные исследователи направляют наше внимание на сложные и потому неоднозначные по интерпретации детали романа «Чтец». Их оценки различны, но многообразие мнений определяется общей исходной мировоззренческой основой. Понятия вины и ответственности лежат в плоскости секулярной культуры, для которой (и с этим можно согласиться) понятие

«коллективная вина» как правовая дефиниция не принимается, а индивидуальная вина, о которой говорится, не затрагивает область метафизики. Критерии виновности или, напротив, оправдания рассматриваются через призму ценностей секулярной культуры, в которой свобода человека выходит на первый план, абсолютизируется, а выбор в экзистенциальной ситуации не связан с высшими трансцендентными ценностями. В случае с Ханной это не был выбор между жизнью и смертью, это было определение ее дальнейшего жизненного пути, что не придает онтологический характер данной экзистенции. Ее свобода выбора напрямую связана с тем, как ее поведение оценивается обществом, насколько данная личность соответствует общепринятой морали и нормам поведения. Здесь определенную роль играет фактор общественного мнения, для которого важными могут быть какие-либо социально-культурные показатели, имеющие второстепенное значение в иерархии нравственных ценностей. Ханне стыдно признаться, что она неграмотна, для нее лучше работать надзирательницей концлагеря и отправлять людей на казнь, как это было в начале ее пути в годы войны; а в послевоенной Германии она остается верна своему выбору, на суде готова понести тяжелое наказание, лишь бы никто не узнал, что она не умеет читать и писать. Достоинство личности в данном социокультурном контексте выходит на передний план. Солидарен с поведением Ханны отец Михаэля, его ответ сыну на вопрос, можно ли открыть тайну Ханны о ее неграмотности, показателен. И для Ханны, и для отца Михаэля важнее, что уважение общества к человеку зависит от того, есть ли у него выбор в сложных жизненных обстоятельствах и может ли он этим выбором воспользоваться. При этом происходит абсолютизирование категории права выбора, а то, к чему этот выбор может привести, не рассматривается. Такая интерпретация свободы и достоинства человека в секулярной культуре не соответствует религиозной традиции христианства. Согласно христианскому учению, свобода рассматривается как нравственная категория — это одно из проявлений образа Божия в человеке, его уход от греха. Что касается достоинства, то к концу первого тысячелетия Отцами Церкви был выработан принцип взаимообусловленности Богочеловеческого достоинства [Устьян, 2012, с. 352]. Для христианского учения свобода и достоинство человека носят производный, второстепенный характер, зависящий от того, сохраняет ли человек образ Божий, соответствует ли его поведение высшим нравственным законам. Обратившись к тексту романа, вместо христианских ценностей, мы видим идеи просветителей, для которых знания являются источником нравственности, поэтому важно быть просвещенным человеком, знающим. Мы видим, как после приобщения к чтению, соответственно к знаниям, Ханна постепенно меняется: «поначалу она старалась, чтобы буквы выходили ровными, с одинаковым наклоном. Справившись с этим, она почувствовала себя свободней и уверенней» [цит. по: Платицына, 2015, с. 33]. После нескольких лет заключения Ханна отдала все свои сбережения жертве холокоста, это стало свидетельством появившегося чувства вины за содеянное, но не покаяния.

Добровольный уход из жизни невозможно соотносить с покаянием, пониманием своей вины в полном объеме. Покаяние через самоубийство сложно представить в контексте религиозной традиции. Да и причина, заставившая совершить суицид, может быть объяснима мотивом, не имеющим отношения к совершенным преступлениям в годы войны. Прошло много лет, Ханна постарела, она поняла, что ее «малыш», как она называла Михаэля, увидев ее в таком состоянии, не сможет не только любить, но и воспринимать ее как женщину.

Результаты исследования

Следуя за судьбой главной героини, мы не видим в ее поведении радикального осознания своей греховности — покаяния, одного из главных таинств христианства. Покаяние означает изменение личности, при котором происходит перемена сознания, стремление проводить жизнь согласно заповедям Божиим. Переосмысление жизни начинается с понимания того, что совершил человек, в чем заключается его грех и что нужно сделать, чтобы не произошло повторения. «Первородный грех поражает сердце человека, а не сферу межличностных отношений, ненормальности в области которых являются лишь следствием поломки в самом человеке» [Сухорукова, 2023, с. 102.]. Изменилась ли Ханна? Вряд ли. Уже после войны поведение Ханны свидетельствует об этом. Связав свою судьбу с Михаэлем, она до конца своих дней так и не поняла, что сломала ему жизнь. У Михаэля не сложилась семейная жизнь, первый опыт любовных отношений повлиял на подростка, сформировав у него определенный образ возрастной женщины. После неожиданного расставания с Ханной он испытывает чувство вины. Вначале, когда она внезапно исчезла, его мучил вопрос, что он сделал не так, а потом, начиная с того момента, когда он оказался на судебном процессе, где увидел свою бывшую возлюбленную, перед ним будут стоять уже проблема прошлого Ханны. Трагическое завершение жизненного пути Ханны вновь вернет Михаэля на мучительный путь рефлексии. Самоубийство вдвойне тяжкий грех еще и потому, что, решая свою судьбу, Ханна так поступает, не считаясь с жизнью героя, причиняя ему боль и чувство вины.

Мы возвращаемся к нашему тезису о нерешенной проблеме — об ответственности немецкого общества за нацистское прошлое. Как было сказано выше, сразу после войны в немецком обществе не произошло того понимания вины и ответственности, о которых писали К. Ясперс и Н. Арендт. Мы увидели это на примере героини романа Ханны, у которой не случилось покаяния, духовного преобразования ее личности, столь важного и для нее, и для всего общества. Автор романа и его герои оказались в плену у непреодоленного прошлого. Вероятно, в таком же плену оказалась и та часть немецкого общества, для которой непонятны причины появления нацистской идеологии, враждебной ценностям гуманистической культуры и христианскому мировоззрению. Причины

национальной трагедии Германии необходимо рассмотреть, обращаясь к особенностям становления и развития немецкого государства.

Одной из главных особенностей немецких земель стало отсутствие политического и религиозного единства страны. Это определит главную цель немецкого общества: создание национального государства. Однако вместо политического объединения, немецкие земли начиная с XVI века, получили религиозный раскол страны. Итогом Реформации станет деление немецких земель по конфессиональному принципу: север (Пруссия) — протестанты, Западная и Южная Германия — католики. «Лютер хотел создать национальную церковь и государство, но получил раскол на католиков и протестантов...» [Бровко, 2013, с. 65]. Длительное отсутствие политического единства, которое бы объединяло все земли, заселенные немцами и религиозный раскол немецких земель, не способствовало формированию единого религиозного и социокультурного пространства. В XIX веке ситуация меняется, начинается объединение Германии под рукой «железного канцлера» Отто фон Бисмарка. Пруссия, основное население которой принадлежало к протестантской конфессии, становится главной опорой в политическом процессе, тогда как католическое меньшинство — препятствием. Оказавшись в оппозиции к власти, католическая церковь стала нежелательным участником в создании национального государства [Беспалова, 2020, с. 20]. Эта особенность повлияет на проводимую правительством Бисмарка политику культуркампа. Либерально-секулярная по своему содержанию программа была направлена против католической церкви, ибо та, будучи в подчинении Римского папы, была независима от светской власти и не вписывалась в универсальный контекст культурного поля новой государственности. Кроме того, Бисмарк действовал в русле духовной парадигмы исторической эпохи XIX века: либерально-секулярной, направленной против традиционной религиозности. «Антикатолицизм среди сторонников либерализма был широко распространен не только в прусской Германии, но и в других крупных странах Европы» [Беспалова, 2020, с. 17]. Продлившись с 1870 по 1876 год, культуркамп был остановлен, канцлер вынужден был отказаться от наиболее радикальных шагов по секуляризации немецкой общества и культуры. Однако последствия этой программы скажутся в последующие годы: роль и значение государства как политического института и нации, неразрывно с ним связанного, возрастет, а влияние католической церкви уменьшится.

Создание национального государства будет сопровождаться проектом «Великая Германия», появившимся во второй половине XIX века. Один из исследователей этого проекта Цимбаев, пишет: «Идея “Великой Германии” стала одной из важнейших явлений общественно-политической мысли XIX–XX веков» [Цимбаев, 2017, с. 17]. Говоря о неоднозначности этого понятия, историк предлагает три варианта его трактовки, в зависимости от исторической эпохи. Первый — это период объединения немецких земель и создание единого государства, второй имеет отношение к нацистской Германии, третий — идеология «Великой Германии», сформулированная в конце XIX века, сохранившая

свое содержание и свою направленность в течение нескольких десятков лет, включая две мировые войны [Цимбаев, 2017, с. 18]. Экспансионизм как одна из главных составляющих германского внешнеполитического курса страны в период ее объединения и становления в виде империи может быть соотнесен с культурной парадигмой «Великой Германии», окрашенной в националистический костюм. Экспансия стала продолжением национальной идеологии, в основе которой лежало представление о величии германского народа, о его значении и высоком статусе среди других народов, о его культурно-просветительской роли в Европе, о великой миссии германского народа. Таким образом, проект «Великая Германия», независимо от трех вариантов их интерпретации, означал продолжение секуляризации национальной культуры Германии, выделял главную составляющую этого процесса — немецкая нация.

Весь XIX век пройдет под знаменем идеи о великой германской нации. В политическом и социокультурном поле немецкого общества над нею будут работать политики, идеологи, учителя, писатели, журналисты. Один из них, наиболее талантливый по воздействию на общественное мнение, П. Рорбах умел «доходчиво объяснить свои идеи массовому читателю» [Цимбаев, 2017, с. 29]. В центре его пропаганды были идеи об исторической миссии немецкого народа, о настоящем немецком христианстве, что в результате подготовило почву для национализации веры и церковных институтов. Формирование общественного мнения о роли германского народа в Европе и мире, включение в этот процесс общественных и государственных институтов, публицистики, периодической печати, научных, научно-популярных статей сыграло большую роль в вытеснении в общественном сознании христианских ценностей и замещения их ценностями национализма. В этом процессе принимают участие и протестантские теологи, которые начинают совмещать пасторскую службу с политической деятельностью. Один из наиболее известных теологов, Адольф Штекер, германский политический деятель и протестантский богослов, пишет о социальном единстве немецкого народа в духе протестантско-аграрной утопии [Цимбаев, 2017, с. 46], другой — Фридрих Науман (1860–1919) — бывший пастор, в 1896 году окончательно уходит в политику, пишет программу «Национально-социальный катехизис», «в котором религиозная вера упоминается лишь в последнем параграфе» [Кильдюшов, 2021, с. 666–667]. Слова бывшего пастора: «Развитие человечества не может опираться на сострадание и дух братства... Есть вещи, которые не поддаются христианскому регулированию...» [цит. по: Кильдюшову, 2021, с. 667] — красноречиво свидетельствуют об изменении его ценностного ориентира.

Заключение

То, что происходило в Германии в XIX веке, завершилось в XX веке, после прихода Гитлера к власти. Завершилось не только на уровне государственного

строительства, но и на уровне общественного сознания. Доведенный до конца политический процесс объединения страны привел немцев к культуре своей нации — появилась секулярная религия, при которой «социальные и исторические явления и объекты наделяются священным смыслом, обожествляются» [Сухорукова, 2022, с. 182]. Секулярная религиозность способствует релятивизму, при котором в угоду какой-либо политической ситуации, режиму, партии, идеологии можно будет создать удобную шкалу ценностей [Сухорукова, 2022, с. 184]. В Германии культом поклонения станет немецкая нация. Преодолеть непреодолимое прошлое — значит понять секулярную основу социокультурного наследия, приведшую Германию к трагедии национал-социализма, — наследия, затронувшего не только политических деятелей, но и простых людей, включенных в зараженный нацистской идеологией общественно-политический дискурс.

Список источников

1. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ. С. Кастальского, Н. Рудницкой. М.: Европа, 2008. 424 с.
2. Беспалова Л. Н. «Культуркампф» как противостояние католической церкви и имперского правительства Германии в 70-е годы XIX века // Вестник Нижневарттовского государственного университета. 2020. № 4. С. 15–21.
3. Бровка Л. Н. Церковь и Третий рейх. СПб.: Алетейя, 2013. 472 с.
4. Вырупаева А. П. Проблема национал-социалистического прошлого в современной немецкой художественной литературе // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 154–159.
5. Жаворонков А. Г. Социальное обновление или интеллектуальная утопия? Ханна Арендт и «Die Wandlung» // Историко-философский ежегодник. 2018. Т. 33. С. 218–241. DOI: 10.21267/AQUILO.2018.33.21037
6. Казенина А. А., Сахарова М. В. Дисциплина «Великие книги» в рамках реализации программы Liberal Arts (опыт МГПУ) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 1 (37). С. 75–81.
7. Кильдюшов О. В. Макс Вебер и политическая теология Фридриха Наумана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 657–669. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-657-669.
8. Нарбут Е. В. Роман Б. Шлинка «Der Vorleser» и его переводы на русский язык // Вестник МГЛУ. 2019. Гуманитарные науки. Вып. 4 (820). С. 277–286.
9. Рулинский В. В. «Проблема вины» в трудах Карла Ясперса // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3 (18). С. 160–166.
10. Платицына Н. И. Проблема «непреодоленного прошлого» в романе Б. Шлинка «Чтец» // Филологическая регионалистика. 2015. № 3–4 (15–16). С. 29–34.
11. Соколова Е. В. «Диалог невозможен...»: Коммуникативная проблематика в современной литературе Германии: (Б. Шлинка, М. Байер, К. Хакер, В. Генацино, К. Крахт): аналитический обзор / РАН ИНИОН; Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения. М., 2008. 128 с.
12. Сухорукова Е. И. Трансляция христианской картины мира в советском кинематографе на примере х/ф «Летят журавли» // Клио: сб. науч. тр. / сост. М. В. Палеолог, Д. П. Шульгина [и др.]. Вып. II. М.: Книгодел, 2023. С. 98–106.

13. Сухорукова О. А. Секулярная религиозность: к вопросу о терминологии // Теология и богословие: сотрудничество для сохранения и укрепления российского духовного наследия: мат-лы Международной образовательной конференции, Уфа, 01–03 ноября 2022 года. Т. 2. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2022. С. 177–185.

14. Устьян В. Г. Святоотеческое видение проблемы достоинства человека в период вселенских соборов (IV–VIII веков) // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). Вып. 20. С. 329–352.

15. Цимбаев К. Н. «Великая Германия». Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. 2-е изд. стер. М.: РГГУ, 2017. 259 с.

References

1. Arendt, H. (2008). *The banality of evil. Eichmann in Jerusalem*. Translate from english S. Kastal'skogo, N. Rudnickoj. Moscow: Evropa. 424 p. (In Russian).

2. Bepalova, L. N. (2020). “Kulturkampf” as a confrontation between the Catholic Church and the Imperial government of Germany in the 70s of the XIX century. *Vestnik Nizhnevarтовского государственного университета*, 4, 15–21. (In Russian).

3. Brovko, L. N. (2013). *The Church and the Third Reich*. Sankt-Peterburg: Aletejya. 472 p. (In Russian).

4. Vyrupeva, A. P. (2018). The Problem of the National Socialist Past in Modern German Fiction. *Magistra Vitae. Electronic magazine history & archeology*, 2, 154–159. (In Russian).

5. Zhavoronkov, A. G. (2018). Social renewal or intellectual utopia? Hannah Arendt and «Die Wandlung». *History-philosophy diary*, 33, 218–241. (In Russian).

6. Kazenina, A. A., & Saharova, M. V. (2021). Discipline “Great Books” within the framework of the Liberal Arts program (MSPU experience). *MCU Journal of Philosophical Sciencies*, 1 (37), 75–81. (In Russian).

7. Kil'dyushov, O. V. (2021). Max Weber and the Political Theology of Friedrich Naumann. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociology*, 21, 4, 657–669. (In Russian).

8. Narbut, E. V. (2019). B. Schlink's novel “Der Vorleser” and its translations into Russian. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 4 (820), 277–286.

9. Rulinskij, V. V. (2011). “The Problem of Guilt” in the writings of Karl Jaspers. *Vestnik MGIMO University*, 3 (18), 160–166. (In Russian).

10. Platicyna, N. I. (2015). The problem of the “insurmountable Past” in B. Shlink's novel “The Reader”. *Philosophy regionalistik*, 3–4 (15–16), 29–34. (In Russian).

11. Sokolova, E. V. (2008). “Dialogue is impossible...”: Communicative problems in Modern German Literature: (B. Schlink, M. Bayer, K. Hacker, V. Genatsino, K. Kracht). Analytical review. RAN INION; Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. literaturovedeniya. Moscow. 128 p. (In Russian).

12. Suhorukova, E. I. (2023). Broadcast of the Christian picture of the world in Soviet cinema on the example of the film “Cranes are Flying”. In: Paleolog, M. V. [et al.] (Content). *Al'manah “Klio”*. Sciensy works. Issue II (pp. 98–106). Moscow: Knigodel. (In Russian).

13. Suhorukova, O. A. (2022). Secular religiosity: on the question of terminology. In: *Teologiya i bogoslovie: sotrudnichestvo dlya sohraneniya i ukrepleniya rossijskogo*

duhovnogo naslediya. Materials International Study conference, Ufa, 01–03 November 2022. Vol. 2 (pp. 177–185). Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. M. Akmully. (In Russian).

14. Ustyan, V. G. (2012). Patristic vision of the problem of human dignity during the Ecumenical Councils (IV–VIII centuries). *Sciency vedomosti. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 8 (127), 20, 329–352. (In Russian).

15. Cimbaev, K. N. (2017). “*Great Germany*”. *Formation of the German national idea on the eve of the First World War* (2nd ed., ster.). Moscow: RGGU. 259 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Сухорукова Ольга Александровна — кандидат политических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Sukhorukova Olga Alexandrovna — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Moscow City University, Moscow, Russia.

sukhorukovaoa@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1707-6151>